

Романы Николая Задорнова,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»:

АМУР-БАТЮШКА
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
ДАЛЕКИЙ КРАЙ
ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ

Николай Задорнов

ДАЛЕКИЙ КРАЙ
♦
ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Задорнов Н.

З 15 Далекий край. Первое открытие : романы / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 672 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28101-1

Николай Павлович Задорнов (1909—1992) — известный писатель, автор романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами. Особое место в творчестве Н. П. Задорнова занимает цикл произведений о выдающемся мореплавателе капитане Г. И. Невельском (1813—1876), руководителе Амурской экспедиции, способствовавшей укреплению России на Тихом океане. В настоящее издание вошли первые два романа этого цикла.

Роман «Далекий край» является своего рода предысторией освоения Дальнего Востока русскими землепроходцами. Это увлекательный рассказ о суровой жизни народов Приамурья до прихода русских поселенцев.

Роман «Первое открытие» повествует о первой экспедиции капитана Невельского в устье Амура. Рассказ о приключениях отважных путешественников сочетается с достоверными картинами жизни на суровых территориях низовьев Амура и прилегающих к ним морских побережьях.

Оба романа были переведены на многие языки и отмечены Государственной премией СССР.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-28101-1

© Н. П. Задорнов (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА¹

Сравнительно близко от Комсомольска, на устье быстрой реки, вырывающейся из гор, расположено нанайское стойбище Халбы. Поодаль от стойбища, ниже по течению, построена была бревенчатая школа для нанайских детей и рядом с ней — такое же здание интерната. Постройки эти окружал пышный лес, который всегда казался мне очень древним, разросшимся и одичавшим парком, когда-то, может быть во времена незапамятные, насаженным людьми. Там были гигантские деревья маньчжурского ореха, тяжкие и толстые, словно башни, пробковые деревья, как их называли русские, бархаты, с облаками листвы в вершинах. Бархатными деревьями, а точнее, молоденькими их саженцами озеленили потом в Комсомольске обе стороны Пионерской улицы, на которой я жил, и деревца эти быстро крепили и весело разрастались в новом городе, как бы символизируя его высокую культуру и светлую юность. А у стойбища Халбы в лесу были и кедр, и лиственница, и железное дерево, и множество других чудес дальневосточной флоры. Весной здесь цвели белая сирень, белая акация и белая черемуха.

На деревянной угде, нанайской лодке с плоским дном из кедровой плахи, в жаркий день раннего лета сидел я с приятелем-нанайцем и ел мелко струганную талу из осетра, обильно засыпанную рубленой таежной черемшой. Лучшего кушанья в начальную пору строительства Комсомольска нельзя было и придумать... И роскошней пейзажа не могло быть перед глазами. Над левым

¹ Очерк печатается по изданию: *Задорнов Н.* Далекый край. Первое открытие. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988.

берегом — горы, из которых вытекала река Горюн. Теперь ее именуют Горин, название привезли с собой изыскатели и проектировщики БАМа и других сооружений. Взято это название из атласов и книжных источников прошлого.

Устье Горюна я населил в своем воображении героями моего романа «Далекий край». Да они и на самом деле жили здесь, я теперь уже путаю вымысел и выслушанные рассказы, как сон с явью... А впервые я попал на Горюн, чтобы писать очерк об учителе нижнехалбикской школы нанайце Валентине Хангени. Он был юн, свеж, тонок, нежен на вид и обладал редчайшими педагогическими способностями. Точнее: отец его был грамотный нанец, а мать — русская из крепкой и сытой деревни охотников и рыбаков, не занимавшихся кабалой и не нанимавших батраков. Деревня эта называлась Средней Тамбовкой и находилась рядом с Халбами. Все нанайцы звали молодого учителя Валкеем. Сын русской матери, он, естественно, унаследовал многие ее качества и плюс к тому был прекрасным охотником и рыболовом. Подумать только, сколько лет прошло с тех пор! Валкей, надо сказать, бывший фронтовик, войну закончил полковником танковых войск в Будапеште. Я свято храню его фотографию в офицерском мундире с посвящением мне на обороте.

Впоследствии, на порогах вверх по течению Горюна, в его вершинах, на речках и протоках, у озера Эворон, в стойбище Кондон, где от древнейших времен еще сохранились ямы земляных жилищ, там у Никифора Дзяппи и многих других нанайцев и получал как бы нанайское образование. Другим летним днем, когда в Охотском море бушевал шторм и вал в пене подымался над отмелью под крутым обрывком из песка, я стоял с председателем нивхского колхоза Нилом на Петровской косе. Нил нагнулся, взял из травы обломок изветренной деревяшки и протянул мне. «Возьми себе, — сказал он, — это обломок креста с могилы Кати Невельской». Мы стояли близ места погребения первого ребенка Невельского, девочки, скончавшейся в младенчестве. Крест упал и развалился, и никому тогда ни до чего этого не было дела...

Мы пошли над прибоем, вокруг было пустынно, вдали виднелись крыши летних жилищ нивхов, приходящих на косу ловить рыбу. Нил рассказывал мне про белых и черных американских китобоев. Потом уж я призадумался, почему его назвали Нилом.

Ведь река Нил — в Африке. Нил был черен лицом. В романе «Капитан Невельской» мне надо было изобразить гиляка Позя, или, как его оригинально охарактеризовал петербургский ученый Миддендорф, «гениального выроodka из своего народа Позвейна». Я писал Позя с Нила.

Утром нивхи, которых раньше звали гиляками, взяли меня с собой на парусной лодке идти морем на остров Байдукова. Но тут уж пограничники не выдержали, рассмотрев с одной из своих вышек приготовление подобной экспедиции. Неожиданно рядом с нами застучал пограничный катер. «Товарищ корреспондент, вам что, жизнь не мила, идти в такую погоду на их лодке? Они и себя утопят, и вас, — сказал старшина катера. — Переходите к нам, мы доставим вас на остров...»

А потом я плавал на Балтике, в Средиземном море, у берегов Кубы... На больших и малых кораблях. На парусной шхуне Ленинградского мореходного училища, помнится, был уже весьма старый по возрасту капитан. Когда-то он начинал юнгой, сбежав с гимназической скамьи в море. До Первой мировой войны ему случилось несколько лет быть матросом на чайном клипере у англичанина. Он много рассказывал мне о нравах английского флота. И, проведя на советских кораблях всю Великую Отечественную войну, мой капитан сохранил, однако, замашки торгового шкипера, когда гонял по реям курсантов и ругал их так, что уши вяли. Молодых людей шокировала, впрочем, не сама морская брань, а его манера обращения. Он мог сказать: «Дурак, поди сюда!» Он спрашивал меня: «Как узнать, откуда дует ветер?» И сам же отвечал: «Надо встать так, чтобы в оба уха дуло». Боцманом на паруснике был беломорец. Он мог с разбега прыгнуть матросу на плечо, а оттуда, как кошка, — на рей, чтобы спасти в шторм хлопавший парус. Он мне рассказывал, что в детстве был зуйком — так называли на поморских и на монастырских судах молоденьких юнг. «У нас поп был капитаном, а дьяк — боцманом. Поп, бывало, командовал: „Дьяк, аминь якорь“. Это означало: „Отдать якорь...“»

Архивы? Книжки? Конечно, как и старинные бумаги и современные труды, как и марксистско-ленинское понимание исторических событий, — все это ложилось и ложилось слой на слой и год за годом в основу, на которой я старался рисовать картины прошлого.

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

В 1969 и 1972 годах я жил в Японии и написал три романа о Путятине. Был в южных морях, и итог этого — роман «Гонконг». А сейчас я пишу романы, о которых еще рано говорить. Можно только упомянуть, что это будет, точнее, должно быть воссоздание международных событий, явившихся закономерной причиной окончательного закрепления нашей страны на берегах Тихого океана, основания города и порта Владивосток.

Н. Задорнов

ДАЛЕКИЙ КРАЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАНГМУ

Глава первая

МАНГМУ¹

Мангму извечно несет широкие мутные воды к Синему Северному морю.

Мангму велик... Много рек и речек отдают свои богатства старику Му-Андури². Воды из царства лоча³ прозрачные, как светлые глаза, и воды желтые, из страны косатых маньчжу, стремятся к нему же.

Мангму течет повсюду. В лесах синеют его заливные озера, обросшие тростниками и кустарниками, озера на старицах, стоячие воды в зелени плавающих лопухов и кувшинок, протоки из озер в реку, из заливов в малые озерца, тихие узкие проточки в камышах и краснотале к дальним болотам, вглубь диких лесов.

Шаманы гольдов⁴ знают: где-то там, в вечнозеленом лесу, есть протока в Буни — в мир мертвых...

Но никакой шаман не знает всех рек и речек, всех озер, рукавов и проток Мангму. Одно лишь ясное полуночное небо, как медное зеркало, отражает его во всем величии. Млечный Путь — отражение Мангму, говорят гольды.

Бурные воды шумят по тайге, выворачивают с корнями деревья, обдирают с них кору на шиверах⁵, громоздят завалы оголенных коряг и стволов, а в половодье поднимают их и уносят к Мангму.

Мангму — как море, разлившееся по тайге, водная страна в лесу...

¹ *Мангму* — так называли Амур народы, жившие в Приамурье.

² *Му-Андури* — морской бог.

³ *Лоча* — так называли русских народы Дальнего Востока.

⁴ *Гольды* — так до революции называли нанайцев.

⁵ *Шивера* — мелководный участок реки с выступающими камнями и быстрым течением.

Мангму богат. Калуги, огромные, как лодки, выпрыгивают ранним летом из его глубин. А когда осенью Морской Старик гонит косяки красной рыбы из синей морской воды в верховья горных речек, невода тянут столько рыбы, сколько звериных следов в тайге по первой пороше.

Народы лесов сбежали с гор и столпились на берегах Мангму.

Тайга...

О-би-би...

Тик-ти-ка...

У-до-до... У-до-до, — кричат птицы.

Тяжелые ветви висят над водой. Ясени, толстые, как башни, ильмы, осины, нежные изгибы синих черемух, высокие душистые травы, красные и желтые саранки на длинных стеблях, чуть позелененные ветви лиственниц, подмытые умирающие деревья, как печальные зеленые знамена, склоненные к прозрачным ручьям, колючая чащоба ягодников, болота, болота, марь... россыпи дикого, замшелого камня, бурелом, черные вывороченные корневища, вздыбившиеся выше молодого леса, мертвые остовы берез в зеленой бороде лишайников, рваные лохмотья бересты, гнилые желтые пни, муравейники, развороченные медведями, вечная зелень пихтача и синь елей, овитых диким виноградом со спелыми гроздьями, карликовые дубки на угорьях и рощи громадных столетних дубов, сереброкорый бархат с перистой листвой, паутина, сырость, белые кости зверей в огромных папоротниках, следы тигра... Скалы, ветер, дикий, пронзительный ветер, и кедры, могучие и рогатые, как жеребцы сохатых.

...Остроголовые леса и синь дальних хребтов, ушедших облаками в сиреневую даль...

...Ветер трясет мохнатые ветки кедров. Ветер гонит пенные волны на Мангму. Ветер мечет дымки далеких стойбищ...

Глава вторая

НЕЗНАКОМАЯ ДЕВУШКА

День солнечный. Удога неторопливо размахивает двулопастным веслом. Тонкая береста одноместной узенькой лодки легко держит на воде его тяжелое, сильное тело. Ленивые гребки больших рук гонят оморочку¹.

¹ *Оморочка* — долбленая или берестяная нанайская одноместная лодка

Жара томит.

«Быстрей поеду, а то отец, наверно, ждет!» — думает Удога. Он наклоняется к закрытому носу оморочки, который, как фартук, расстелен от его пояса. Сильный удар веслом. Оморочка идет быстрей. Еще удар. «И мама ждет...» Удар справа, удар слева. «И брат ждет!»

Оморочка мчится по воде, как стрела.

Удога разгоняет ее, поворачивает голову, клонится ухом к бересте, потом вскидывает голову, кладет тонкое и длинное весло поперек лодки и, сияя от восторга, тонко поет:

Вода журчит под оморочкой,
Ханина-ранина.
Солнце жарко разгорелось,
Ханина-ранина.

Вода поет под берестянкой...

Вдруг он увидел, что на мели, напротив лесистого высокого острова, где в одиночестве жил страшный шаман Бичинга, застряла лодка. Босая девушка стоит в воде, не может столкнуть ее.

Мель была на самой середине протоки. Вода покрывала ее, и мель была незаметна. Все жители окрестных деревень знали это место.

«Видно, из чужой деревни», — подумал Удога.

Удога схватил свое веселко. «Правда, наверно, чужая! Ах, это чужая...» Сначала шел прямо, будто мимо, потом сделал большой и красивый полукруг да так разогнал берестянку, что она чуть не черпала воду, лежа на боку. И опять поднял весло. Чем ближе, тем тише идет его лодка. Тихо на громадной реке, и сейчас слышно, как поет вода. Да, на самом деле незнакомая девушка...

Девушка потолкала лодку в корму руками. Но ведь это не кадушка с брусничкой. Подошла к борту, попыталась раскачать.

Редко, редко и чуть-чуть гребет Удога, как бы не осмеливаясь приблизиться. Не доходя до большой лодки, его оморочка совсем замерла.

Оттуда видно — черная стрела, а над ней черная большая фигура человека. Парень, конечно. Кто бы другой стал так куролесить и гонять оморочку, выкруживать, как охотник в тайге, когда

(«омо» — «один», «ороч» — «человек»).

ищет след дорогого соболя. Хотя и не смотришь на все это, нет того, да и некогда, а как-то все-таки замечаешь.

А Удога видит девушку всю в солнце. От головы в необыкновенных волосах до голых колен в воде. Вся желтая. Удога смотрит с удивлением и настороженностью.

Теперь и она уставилась на него.

— Там мель! — кричит он.

Она молчит. Конечно, не много ума надо, чтобы понять, когда лодка уже на мели, что тут мель. И не много ума надо, чтобы этому учить!

— Вода часто покрывает ее, и мель становится незаметна, — говорит Удога. Он замечает — девушка совсем молоденькая и хорошенькая. — Никогда здесь не плыви. Разве ты не видела, как рябит вода?

— Помогите мне! — кричит девушка.

Удога проворно подъехал, слез в воду, отдал девушке нос оморочки. Налег грудью на тупую серую корму лодки, так что его голые крепкие ноги ушли в песок, но лодка не подавалась.

«Вот беда, как крепко села! — подумал Удога. — Стыдно будет, если я не смогу сдвинуть ее».

Парень высок ростом, широк в плечах. У него гибкое, крепкое тело. Случая не было, чтобы лодку нельзя было сдвинуть. Девушка засмеялась.

«Почему она смеется? — подумал Удога и налег на лодку изо всех сил, так что заболела грудь. — Вот беда, крепко села!»

Не жалея груди, Удога давил на корму, и еще давил, и все сильнее, и упирался ногами, и перебирал ногами так, что вода забурлила. Он тужился до тех пор, пока лодка не зашуршала и не всплыла.

Тут он разогнулся и поглядел на девушку. «Волосы у нее как трава осенью».

Он знал, что светлые волосы бывают у русских и у ороchon¹, приходивших в эти места.

Девушка приблизилась к нему и отдала веревку, за которую держала его оморочку. Мгновение посмотрела ему в лицо. У нее были черные глаза и румяные щеки.

¹ *Ороchonы* (от эвенкийск. «орон» — «олень») — дореволюционное название ряда групп эвенков.

— Какая у тебя лодка большая и тяжелая! Что ты в ней везешь? — спросил Удога.

Девушка, не отвечая, полезла в лодку.

— Почему у тебя волосы такие? Как седые!

Она молчала, спиной к нему насаживая измытое добела весло на колок к борту.

Потом взяла другое весло, подняла его. Удога видел на ярком солнце лопасть в свежих мохрах древесных волокон, обитых за день гребли водой, пухлую розовую руку, крепко державшую весло там, где кругленькое белое отверстие в резном утолщении. Девушка поставила оба весла и даже не поглядела на Удогу.

— Подожди! — сказал он.

Но девушка налегла на весла и отъехала. Течение быстро несло ее, и она гребла сильно. Теперь ее лицо стало черным. Вскоре лодка стала, как щепка, маленькой и тоже черной.

«Что это за девушка? Откуда она? Зачем была тут? Почему у нее такие волосы?..»

Удога осмотрелся.

— Э-э! Ведь тут близок шаманский остров, — снова вспомнил Удога.

Вон он, залег среди реки, весь в солнце, с песчаными буграми и обрывами, с лесами кедра, лиственницы...

На острове видна рогатая лачуга. Торчат крайние, неотпиленные жерди крыши. На них — резьба. По сторонам тропы, ведущей к дому, — два толстых мертвых дерева. Из них вытесаны плосколицые идолы с мечами на башках. Блестят сейчас две белые морды, будто высунулись страшилища из леса.

«Может быть, ездила ворожить к нашему шаману Бичинге?»

Удога залезает в оморочку, налегает на весла.

— Э-э! Вон и сам шаман куда-то едет! Кто-то везет его. Наверно, едет хоронить... Или лечить...

Лодка шамана как-то сразу оказалась вблизи Удоги. Она мчится быстро. Гребут десять гребцов. Удога упал в своей оморочке ниц. Но подглядывает.

Видно лицо шамана. Он почти слепой, сухой, с седыми косматыми волосами, в богатом халате и со множеством серебряных браслетов на руках. Держит шаманскую палку с резьбой. Его лодка проходит. Поехал куда-то... Не туда, куда девушка. И не в нашу деревню. К устью Горюна едет...

Удога поднял голову.

«Шаман уехал!»

Сразу две встречи: хорошая и плохая...

Он опять налег на весло и разогнал оморочку. День такой ясный, чистый, на душе весело. Удога улыбается.

«Кто такая и откуда?» — запел Удога.

Ханина-ранина...
Ты прекрасна и светла,
Ханина-ранина...
Отец ждет! — удар весла.
Мама ждет! — удар весла.
Брат ждет! — удар весла.

Вот и деревня, своя деревня. Удога подъезжает к берегу и пристает к пескам. На вешалах множество жердей, унизанных рядами распластованной красной рыбы. На корчагах и на жердях растянута невода.

Онда — небольшое стойбище. Десятка два глинобитных зимников¹ приютилось у подножья невысокого прибрежного хребта. Сразу за селением начинается дремучая тайга.

Напротив Онда, посередине реки, протянулся другой высокий остров, заросший ветлами, ильмами, осинами, кустарниками и краснолесьем. Летом на острове белеют берестяные балаганы рыбаков. На зиму ондинцы возвращаются в стойбище, оставляют там женщин с малыми детьми, немощных стариков, а сами отправляются в тайгу.

Бегут радостные собаки. За ними идет отец Удоги — Ла. Он с медной трубкой в зубах, в коротком светло-коричневом халатике из рыбьей кожи. Лицо его темнее халата, а волосы седые.

Удога целует его в обе щеки.

Подходит мать Ойга. У нее кольчатые серьги в отвислых больших ушах, плоский нос. Сын целует ее.

Подбегает брат Пыжу. Удога снова целуется. Пыжу смеется, что-то шепчет ему на ухо.

— Ты набил хорошей рыбы! — удивленно говорит отец, заглядывая в лодку. Там лежит громадный таймень. — На Горюне был?.. На той стороне?

Удога поворачивается и молча идет домой.

¹ *Зимник* — бревенчатое или глинобитное жилище с очагом, пригодное для зимовки (в отличие от летника, которое делалось из бересты).

Пыжу догоняет брата, хватает его за плечо, за шею, смеется, прыгает, толкает в спину.

Ойга берет из лодки тайменя.

Вечер у очага. Отец сидит на кане¹ у маленького столика, поджав босые ноги так, что видно толстые черные пятки.

Все едят рыбу. Удога печален.

— Что с тобой, сынок? — спрашивает Ойга. — Ты совсем плохо ешь... — Она гладит сына по голове.

Удога молчит.

Ла отрезает длинный ломоть рыбы и, втягивая ее в рот, быстро заглатывает.

Пыжу сосет рыбью голову и с любопытством тарацит глаза на брата.

Удога облизывает пальцы, встает с кана, как бы не зная, что делать.

Ойга, покачивая головой, пошла быстро на улицу. Ла и Пыжу чавкают у стола. Удога залез на кан и улегся. Отец все съел и вытер рот рукавом.

— Что ты, парень, все молчишь? — спрашивает он Удогу. — Наверно, проглотил что-нибудь дурное? Не чертенята ли залезли тебе в глотку?

Ойга вносит охапку хвороста:

— Ночь сегодня будет прохладная.

Вбежали собаки.

Удога вдруг поднялся резко. Собаки кинулись к нему. Одна положила ему лапы на плечи и норовила лизнуть в лицо, словно жалела и хотела спросить, что с ним.

— Я хочу жениться, отец! — поглаживая собаку, говорит Удога.

— Что? — подскочил от удивления старый Ла. Он отодвинул столик и схватил рубашку.

— Да, я сегодня увидел девушку и хочу на ней жениться.

Пыжу расхохотался.

— Э-э, парень, какая дурь у тебя в голове, — говорит Ла. — Пора собираться на охоту. Ты знаешь закон: идешь на охоту — не думай про баб и девок: удачи не будет. Это запомни на всю жизнь... Да у нас и выкуп за невесту заплатить нечем.

¹ Кан — глинобитная теплая лежанка вдоль стен дома, шириной в рост человека; под каном проходит дымоход от очага.

— Отец! — воскликнул Удога. — Эту девушку я сегодня на мели видел, помог ей сдвинуть лодку.

Ла надел рубаху. Пыжу бросил рыбью голову.

— А ты знаешь, кто она? Кто она, откуда?.. Ты знаешь? — спрашивает отец с досадой.

— Нет... — неохотно ответил Удога.

Собаки поворачивают морды, недовольно смотрят на Ла.

— И не говори об этом! Вот возьму палку и вздую тебя! Как это — ты хочешь жениться, а сам не знаешь, кто она! Да может быть, она нашего рода, и тогда тебе нельзя на ней жениться! Или из того рода, из которого по закону нам нельзя брать невест. И выкуп заплатить нечем. Ты слышишь? Или ты оглох? — спрашивает Ла. — Какой дурак! И уже жениться захотел! Вот женю тебя на кривой Чуге... На девке своего рода жениться захотел. Да может, она Самар? Она — Самар. И ты тоже — Самар! Дурак! И еще перед охотой... И платить нечем...

Отец рыгнул. Он закончил свой деловой день. Довольный и успокоенный своими словами, он как сидел, так и лег на спину, растянувшись на кане.

Одна из собак тявкнула на него яростно.

Удога понимал — сейчас и в самом деле следует думать об охоте. Но девушка не выходила у него из головы.

«Почему сразу за ней не поехал? — думал он. — Надо было сразу ехать за ней на оморочке, а я растерялся... Я всегда не могу догадаться вовремя...» Удога надеялся, что он ее еще встретит.

— Мы можем пойти в лавку китайца и взять товары для покупки невесты, — говорит Удога, наклоняясь к собаке, которая облаяла отца. Токо ласково лижет его щеки.

— Помни, я никогда не брал в долг у торговцев. Только я один не беру. И ты поэтому не должен.

Собака опять тявкает в ответ старику. За ней другая. Старик рассвирепел, соскочил с кана и стал пинками выгонять собак на улицу.

Удога ссутулился и закрыл глаза кулаками.

Старик насмешливо посмотрел на него, взял на кане табак, трубку.

— Да ты не беспокойся! Пока мы будем на охоте, ее купит какой-нибудь богатый старик, а ты даже знать не будешь никогда, кто она и куда уехала. Так что перестань думать глупости. — Он

опять лег и закурил. — Так что можешь быть спокоен. И думай про охоту. Дурак! Да помни: говорить про такие дела стыдно — ведь ты парень, а не девка. Это только девки тараторят целый день про любовь... А нам с тобой надо поймать соболя, чтобы купить кое-что. Ты знаешь, я никогда не беру в долг у торгашей. А нынче соболь будет, много соболей пойдет за белкой. Я только удивляюсь, в кого ты такой дурак, что тебе не стыдно говорить про такое! — вдруг с сердцем воскликнул Ла. — Да мало ли кому ты лодку можешь сдвинуть. — Он опять лег.

Не выпуская длинной трубки изо рта, старик уснул. Послышался его густой храп.

Удога уныло сидит. Собака поскреблась в дверь и пролаяла сочувственно и приглушенно. Пыжу тер нос и поглядывал на лежащего навзничь отца и на его трубку, словно ожидая, когда он понадежней уснет.

Ойга раскатывала на канах кошмовые¹ подстилки и большие ватные одеяла, приготовляя постели сыновьям. Отец предпочитал простую сохачью шкуру, как было заведено в старину. Он не очень любил покупные одеяла и кошму, говорил, что от них нет толка.

Глава третья ПРОЗРАЧНАЯ РЕЧКА

Белка кочевала...

Все лето белки переплывали реку с левого берега на правый. Хозяйка из стойбища Онда, когда они выходили на рассвете по воду, не раз случалось видеть, как мокрые зверьки отряхивались, вылезая на берег, и мчались по траве к ближайшим деревьям.

Ездовые собаки устраивали вдоль берега охоту на белок. Гольды не позволяли им жрать пойманных зверей, чтобы не привыкали. Голодные псы, чтобы избежать хозяйских побоев, ловили белок поодаль от стойбища и рвали их там в клочья.

Однажды мокрая белка, спасаясь от собачьей погони, забралась на дом охотника Ла. Сыновья Ла, Удога и Пыжу, залезли на крышу и поймали перепуганного зверька. Старик отнес его в тайгу и выпустил на елку, наказав с ним разных просьб Хозяину тайги и духам тайги — Лесным людям.

¹ Кошма — большой кусок войлока.

Все ожидали, что за белкой пойдут соболя. Осенью оказалось, что по всему левобережью вокруг селения Мылки не уродился кедровый орех. Белка еще большими стаями откочевывала к Онда и дальше в горы, а за белкой уходил и соболь.

Дули холодные ветры. Листья в тайге опали, опали пожелтевшие иглы лиственниц. До ледостава охотники промышляли вблизи Онда. А когда выпал снег и застыли речки, ондинцы собрались в тайгу на всю зиму.

Каждая семья направлялась на свою речку.

Старика Падеку с сыновьями и внуками знакомый гиляк повел в хребты, на остров за малым морем¹. За это он получит товары, купленные дедом Падекой у маньчжур.

Чернолицый Ногдима с неженатыми братьями пошел в верховья собственной речки, недалеко.

Седобородый Хогота с соседями из деревни Чучу поехал на нартах к заливу Хади.

Кальдука Толстый и Падоба еще до морозов уплыли по реке Горюн вверх, они пойдут в хребты, где все лето лежат снега. Там очень хорошие черные соболя.

Ла из рода Самаров с сыновьями, Удогой и Пыжу, направился в верховья Дюй-Бирани — Прозрачной речки, впадавшей в Мангму неподалеку от Онда.

Часто охотничьи семьи объединялись, отправляясь в далекие и опасные зимние походы. Как и обычно, постоянными спутниками Ла и его сыновей и на этот раз были их соседи и родичи, старик Уленда и его единственный сын Кальдука Маленький из того же рода Самаров.

Мохнатые остромордые псы тянули пять нарт, тяжело нагруженных юколой и теплой одеждой. Охотники шли на лыжах, каждый подле своей упряжки, помогая собакам тянуть нарты. Ночевали под корнями старых деревьев или под обрывами берега, где можно укрыться потеплее.

Вечерами у костра Ла рассказывал божественные сказки. Дядюшка Уленда хозяйничал: кормил собак, чинил постромки, готовил пищу и поддерживал огонь. Уленда никогда не был хорошим охотником, и поэтому на него и на Кальдуку возлагалась вся работа по хозяйству. Обычно над дядюшкой подшучивали, но

¹ То есть на Сахалин.

сейчас никто его не трогал: перед промыслом было не до смеха. Озорник Пыжу и тот только посмеивался потихоньку в рукавицу, глядя, как дядюшка с трубкой в зубах, повязав теплым платком круглое, бабье лицо, склонился над кипящей похлебкой и, испуганно озираясь по сторонам, что-то шепчет, отгоняя от варев злых духов. Пыжу знал, что у огня не может быть нечистой силы и что дядюшка напрасно беспокоится.

Ночи охотники коротали кое-как, словно сон был чем-то ненужным, дремали где-нибудь в дупле, сидя на корточках, прикорнув друг к другу, либо, прячась от ветра, забирались под вывороченные корни деревьев.

Перед рассветом выли привязанные собаки, дядюшка вылезал наружу, и вскоре слышался его пискливый голосок, укорявший за какие-то провинности злого вожака-кобеля.

На третий день пути Самары добрались до своего старого ба-лагана в верховьях Дюй-Бирани — Прозрачной речки.

На опушке дремучего елового леса, над ручьем, виднелся полузанесенный снегом шалаш. За остроголовыми елями, как большие сугробы, возвышались округлые белые сопки.

Глава четвертая СЕРДЦЕ СОБОЛЯ

Оставив собак у ручья, Ла с заклинаниями поднялся на угорье. Гольды тихо двигались по лыжне старика. Собаки перестали лаять, и в торжественной тишине слышно было лишь их хриплое и тяжелое дыхание.

Отпугнув злых духов, Ла вошел в шалаш. Уленда и парни последовали за ним. Пока старик что-то бормотал, расставляя вдоль стены деревянных божков, Уленда натаскал валежника. Ла вынул из кожаного мешка бересту и разжег от родового кремня огонь...

Охотники стали молиться.

— Соболя давайте, белку давайте! — просили они.

— Сохатого пошли, чтобы все было благополучно, сделай, — кланялись они огню.

Позя-ней — Хозяину тайги, богу охотничьего племени — вылили в огонь чашечку ханшина. Каждый угощал Позя своими запасами. Удога и Пыжу кинули в огонь по кусочку кетовой юкoлы. Тут была и борикса — жирная кета со шкуркой, и макори —

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ
ДАЛЕКИЙ КРАЙ
•
ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.02.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-37118-01-R